

На Берлингтон-стрит был вечерний час пик. Место уехавшего «Пагани» занял «Лотус». Тань Юмин и Чжо Чжисюань договорились сегодня поужинать в его отеле.

Чжо Чжисюань простоял в пробке почти полчаса и спросил:

— Что ты здесь делал?

Тань Юмину было стыдно признаться, что он следил за Шэнь Цзуннянем. Он пробормотал:

— Дела были.

Чжо Чжисюань подозрительно прищурился:

— Один приехал?

— А что?

Чжо Чжисюань бросил ему телефон:

— Сам посмотри.

На размытой фотографии кто-то заснял их с Ван Сыминь.

— Чушь какая-то.

— Вы реально ходите на свидания вслепую? — спросил Чжо Чжисюань.

— Нет, просто случайно встретились, и она меня подбросила.

Чжо Чжисюань крутил руль и осторожно прощупывал почву:

— Не сошлись характерами?

— Для свиданий — нет. Для сотрудничества — возможно.

Чжо Чжисюань хотел ещё что-то сказать, но из-за своей болтливости прозевал машину, которая влезла перед ними, и резко дал по тормозам. Тань Юмина отбросило вперёд. К счастью, он был пристёгнут.

— Твою мать! Смотри на дорогу! Ван Сыминь на ста пятидесяти километрах в час водит ровнее тебя!

Чжо Чжисюань возмутился:

— Чья бы корова мычала!

Менеджер отеля уже ждал их у входа. Когда они зашли в отдельный кабинет и закрыли дверь, Тань Юмин бросил Чжо Чжисюаню стопку тонких черновиков контракта:

— Посмотри.

Он снял пиджак и повесил его на вешалку из красного дерева. Затем расстегнул ремешок часов.

— Ну как тебе?

Это был тот самый черновик гарантийного договора для Шэнь Цзунняня, который они подготовили сегодня в семейном офисе.

Чжо Чжисюань пролистал всего пару страниц, и его глаза покраснели от зависти:

— Ты что, даже свои заначки на жену решил в это вбухать?

Тань Юмин сел и начал расстёгивать запонки. Он удивлённо спросил:

— Думаешь, это всё, что я отложил на жену?

Чжо Чжисюань злобно зыркнул на него.

Видя, что тот долго молчит, листая бумаги, Тань Юмин не выдержал:

— Ну как? — Его губы дрогнули. — Он... он же будет со мной разговаривать после этого?

Чжо Чжисюань был просто в шоке:

— Отдай это мне, и я буду с тобой разговаривать!

Хоть он и был старшим внуком семьи Чжо, его не баловали. Даже в этом отеле, которым он

управлял, у него были лишь крохи акций.

Тань Юмин усмехнулся:

— А я тебе мало даю?

(И это было правдой. Тань Юмин всегда был с ним щедр).

Чжо Чжисюань немного успокоился и честно ответил:

— Да он не то что разговаривать будет, он от умиления помрёт!

Тань Юмин удовлетворённо улыбнулся.

Чжо Чжисюань не мог смотреть на его самодовольную физиономию. Наливая чай, он пробормотал:

— Что между вами вообще происходит? Вы редко так ругаетесь.

Тань Юмин перестал улыбаться и выложил всё, что случилось на банкете дедушки. Он возмущённо закончил:

— Нельзя же во всём винить только меня! Скажи честно: разве не он первый начал?

Услышав про какую-то там помолвку, Чжо Чжисюань побледнел. Он хотел что-то сказать, но замялся:

— Ты... я... эх...

Тань Юмин яростно хлопнул по столу:

— Я что, неправ?!

— Да нет... просто... — Чжо Чжисюань подбирал слова.

Вдруг лицо Тань Юмина резко изменилось. Чжо Чжисюань напрягся:

— Что ещё?

Тань Юмин схватил телефон, как будто увидел привидение, дважды перечитал сообщение и моргнул:

— Шэнь Цзуннянь зовёт меня завтра домой на ужин.

— А?

— Это что, попытка помириться? — Тань Юмин вскинул брови. На его губах заиграла хитрая, довольная улыбка, обнажившая клыки. А он-то ломал голову, как сделать первый шаг!

— Н-наверное... — Чжо Чжисюань уже ничего не понимал, они его вконец запутали.

Тань Юмин хмыкнул, прочитал сообщение ещё пару раз и отложил телефон.

— Почему не отвечаешь?

— А что, я должен сразу отвечать, как только он написал? — Получив сообщение, Тань Юмин моментально сбросил маску страдальца и начал важничать: — Пусть подождёт.

Он помаринует его вечером, а завтра выложит этот контракт на стол. Шэнь Цзуннянь ведь точно помрёт от счастья, да? Тань Юмин подпёр щёку рукой и погрузился в сладкие мечты.

Он перечитывал одно короткое сообщение бесчисленное количество раз, пока наконец не дождался конца рабочего дня.

Шэнь Цзуннянь подъехал к территории «Пинхая» и припарковался там, где обычно ждал Тань Юмина после работы.

В час пик Тань Юмин не стал пользоваться лифтом для руководства. Сотрудники и менеджеры были немного удивлены, и в лифте то и дело звучало:

— Здравствуйте, господин Тань.

Тань Юмин отвечал на приветствия и одновременно набирал сообщение:

[Ты уже приехал?]

[Да.]

Тань Юмин, не моргнув глазом, соврал:

[А я тебя не вижу.]

Шэнь Цзуннянь опустил стекло, огляделся и, убедившись, что Тань Юмина поблизости нет, просто вышел из машины и стал ждать.

В хорошую погоду сотрудники не любили загонять машины на подземную парковку, поэтому автомобилей было много.

Вскоре автоматические стеклянные двери главного административного здания «Пинхай» разъехались, и Тань Юмин вышел вместе с толпой сотрудников. Среди всех этих лощёных клерков он выделялся ярче всех.

Один смелый сотрудник сказал:

— Господин Тань, господин Шэнь снова приехал за вами.

— Где? — Тань Юмин продолжал врать как по писаному. — Что-то я его не вижу.

Один из технарей любезно указал:

— Да вон там, у баухинии.

Шэнь Цзуннянь стоял у дверцы машины. В кои-то веки он не говорил по телефону и даже не смотрел в него. Он просто спокойно опирался на машину, сохраняя невозмутимое выражение лица. Почувствовав на себе изучающие взгляды, он повернул голову. Их глаза с Тань Юмином встретились сквозь толпу и зелень деревьев.

Баухиния цвела пышно и страстно, а Шэнь Цзуннянь выглядел холодным и отстранённым. Кто-то из сотрудников тихонько вздохнул:

— Господин Шэнь просто смертельно красив.

Тань Юмин первым отвёл взгляд. Он выпрямил спину и, неспешно, на глазах у всех, направился к нему. Он решил сразу пойти в атаку:

— А, так ты здесь! Я уже и забыл, где ты обычно паркуешься. Полчаса искал.

Он явно намекал на то, что Шэнь Цзуннянь давно его не возил. Шэнь Цзуннянь не стал с ним препираться:

— Садись.

Тань Юмин скосил на него глаза, но с места не сдвинулся.

Шэнь Цзуннянь мысленно вздохнул и, не обращая внимания на его капризы, открыл ему дверцу.

Тань Юмин давно не сидел на пассажирском сиденье «Бентли». На мгновение он даже впал в ступор. Его игровая приставка была на месте, подушка лежала там же, а в кармашке дверцы стоял его любимый чай. Даже закат над эстакадой был точно таким же, как и каждый день после работы. И всё же в этом была какая-то необъяснимая робость и отчуждение.

Прошло меньше половины месяца, а казалось, что миновали долгие годы.

На центральной консоли зазвонил телефон Шэнь Цзунняня. Тань Юмин по привычке потянулся за ним, но замер. Он так и не взял его, пока звонок не прекратился.

Шэнь Цзуннянь сделал вид, что ничего не заметил. Тань Юмин слегка расстроился. Нацепив маску высокомерного молодого господина, он молчал, но не мог удержаться и то и дело поглядывал на водителя.

Шэнь Цзуннянь терпел, стараясь не смотреть на него. Он повернул руль:

— Что смотришь?

Тань Юмин тут же впился в него жгучим взглядом, пользуясь шансом выпустить пар:

— Сам позвал меня на ужин, а теперь смотреть запрещаешь?!

Шэнь Цзуннянь повернул голову. Далёкое небо казалось огромной расшитой ширмой. Пылающее золотое солнце вырвалось из-за туч, и его косые лучи упали на лицо Тань Юмина, окрасив его в красноватые тона. Его лицо, подобное цветку персика, было ярче и живее самого заката.

Шэнь Цзуннянь отвёл взгляд и сменил тему:

— Что хочешь на ужин?

Тань Юмин, словно ударив кулаком в вату, мстительно затараторил:

— Хрустящую свинину, жареного гуся, рёбрышки в соусе из чёрных бобов, моллюсков, бамию, сельдерей с креветками. И ещё горшочек супа из корня фикуса с курицей, который нужно варить на медленном огне!

Шэнь Цзуннянь пропустил это мимо ушей, словно Тань Юмин просто зачитывал меню. Он ничего из этого не приготовил.

Но и отмахиваться не стал. Достав из холодильника заранее купленные продукты, он приготовил пять блюд и один суп — всё, что любил Тань Юмин.

Тань Юмин не был дома почти полмесяца. Он вразвалочку, словно патрулируя свои владения, обходил квартиру. Вдруг он чутко повёл носом:

— Откуда запах сигарет?

Запах был очень слабым.

Рука Шэнь Цзунняня дрогнула.

— Наверное, одежда пропахла на деловом ужине.

По правде говоря, он и сам давно здесь не жил. После бессонницы, начавшейся после юбилея старика Тана, Шэнь Цзуннянь тоже перебрался в офис, став местным «сторожем». Перед уходом он вызвал клининг, чтобы те всё убрали и проветрили. Но у Тань Юмина был слишком острый нюх.

Денежное дерево у входа не засохло. Хотя сейчас был не сезон для маленьких мандаринов, его листья ярко зеленели, сияя золотом.

Тань Юмин заглянул в свою комнату. Старая панда с чёрными кругами под глазами всё так же сидела в изголовье кровати, ожидая его возвращения. В шкафу все рубашки были аккуратно разложены по типам. Это была работа Шэнь Цзунняня, уборщица так не складывала.

Тань Юмин повалился на кровати и уткнулся лицом в подушку, даже не замечая, как растянулись в улыбке его губы.

Шэнь Цзуннянь хлопотал на кухне. Тань Юмин нашёл свою приставку, забрался с ногами на

диван в гостиной и принялся играть. Всё было в точности так же, как после их бесчисленных ссор в прошлом: один незаметно делал шаг навстречу, другой молчаливо соглашался. Обиды смывались бесследно, и они снова мирились.

Так было до тех пор, пока Тань Юмин, сытый и довольный, не собрался достать гарантийный контракт, подготовленный им в семейном офисе, чтобы сделать сюрприз.

В этот момент Шэнь Цзуннянь спросил:

— Тань Юмин, ты не думал о том, чтобы перенять акции проекта в Норт-Пойнт?

Если их ссора на Берлин-роуд была лишь трещиной, то этот осторожный вопрос стал кирпичом, выбитым из фундамента. Стена зашаталась.

Проект комплексной энергетики в Норт-Пойнт (СЕР) был самым глубоким и тесным совместным проектом «Хуаньту» и «Пинхай». От кадровой структуры до распределения акций, от управления и до добычи ресурсов, от производства до продаж и эксплуатации — всё было тесно переплетено.

Если другие крупные проекты достались им в наследство от отцов и дедов, то СЕР они вырастили с нуля сами. На этом проекте крупными буквами были написаны имена «Шэнь Цзуннянь» и «Тань Юмин», а не «Хуаньту» и «Пинхай».

Они посадили это семя вместе. Разорвать связь значило вырвать жилы и сломать кости. Связь между Тань Юмином и Шэнь Цзуннянем станет на один уровень тоньше. Это не убьёт их, но покалечит точно.

Тань Юмин застыл на месте. Он нахмурился и спросил:

— Зачем? У «Хуаньту» проблемы с финансированием энергетического проекта? — Он бросил приборы и потянулся за контрактом. — У меня тут...

— Нет, — Шэнь Цзуннянь смотрел ему прямо в глаза. — Приоритеты компании смещаются и меняются. Разрывать на два фронта — не лучший вариант для развития проекта. К тому же сейчас планируется привлечение инвестиций в сферу искусственного интеллекта.

Это был конёк семьи Ван, но они пока выжидали. Именно поэтому на юбилее дедушки Таня Тань Цичжэн так настойчиво говорил об этом Тань Чуншаню.

Шэнь Цзуннянь всегда думал о благе Тань Юмина:

— Если у тебя будет абсолютный контроль, ты сможешь принимать решения самостоятельно.

Он полностью оставлял выбор за Тань Юмином. Кого тот выберет партнёром — семью Ван, семью Ли или кого-то ещё — Шэнь Цзуннянь больше не имел права вмешиваться.

Услышав это, Тань Юмин замер. Его рука неловко повисла в воздухе, так и не достав контракт. Прекрасное настроение, державшееся со вчерашнего дня, схлынуло, как морской отлив.

Раньше он бы уже вскочил и начал возмущаться. Но сейчас он просто опустил глаза, уставившись на пустую тарелку, и твердил себе: «Не злись, не злись. Не забывай, ты пришёл мириться».

Тань Юмин ответил:

— «Пинхай» не нужна абсолютная власть. Ему нужен равный, надёжный, идеально подходящий партнёр, который никогда не предаст.

Шэнь Цзуннянь решил говорить прямо:

— Ты сейчас о «Хуаньту» или обо мне?

— А есть разница?

— Если я уеду на новый проект в Европу, повседневными делами будет заниматься исполнительный директор. Я больше не смогу представлять «Хуаньту». — И в каком-то смысле Шэнь Цзуннянь был согласен с Тань Цичжэном. — Подходящего партнёра найти легко. А вот долгосрочный, глубоко доверительный союз, основанный на общих интересах, — трудно.

Снова эти разговоры о поездке в Северную Европу! Тань Юмин помрачнел:

— Я так не считаю.

Он с вызовом продолжил:

— Заказчик не должен подстраиваться под исполнителя. Не захочет семья Ван участвовать в проекте Норт-Пойнт — найдутся другие. Разве у «Пинхай» мало надёжных партнёров на стороне?

Ходили слухи, что в «Пинхай» «партнёры меняются, как перчатки, и лишь "Хуаньту" — железобетонная крепость». Тань Юмин считал, что так оно и есть. Каким бы сильным ни был новый партнёр, «Хуаньту» заменить невозможно.

Шэнь Цзуннянь помолчал немного, а затем спросил:

— Тань Юмин, ты когда-нибудь оценивал степень переплетения интересов «Хуаньту» и «Пинхай»?

Тань Юмин приоткрыл рот, чтобы ответить, но промолчал.

Шэнь Цзуннянь спокойно продолжил:

— Десять лет назад мы совместно использовали каналы сбыта и делили прибыль. Затем появилась «Цзяньсинь», и наши активы слились ещё теснее. А потом был проект Острова Заката.

— Теперь СЕР в Норт-Пойнт. Масштабы растут, производственные цепочки пересекаются слишком сильно. В каком-то смысле это опасно. Слишком хорошо — тоже нехорошо. И тот вызов в администрацию должен был послужить нам уроком.

Тань Юмин когда-нибудь женится. Семья его будущей жены заключит с «Пинхай» долгосрочный и глубокий союз. Никто не потерпит, чтобы «Хуаньту» всегда стояла на первом месте.

Шэнь Цзуннянь не хотел ставить семью Тань в неудобное положение. Он также должен был думать о компании. Если отбросить личные чувства, их деловые интересы были слишком сильно переплетены. Лучше ему самому распутать этот узел и уступить место сейчас, чем потом его оттуда вытеснят новые партнёры.

Тань Юмин не собирался слушать эти доводы:

— Какое это имеет отношение к пересечению наших интересов? Просто какие-то недобросовестные иностранные компании пытаются найти лазейку и создать нам проблемы. Только поэтому мы и думаем о привлечении третьей стороны!

— Но сейчас «Хуаньту» и «Пинхай» находятся на пике своего расширения на рынке. Слияние наших активов и совместная работа приносят больше пользы, чем вреда. С какой стати мы должны отказываться от еды из страха подавиться?!

Шэнь Цзуннянь хотел спросить: а что потом? Если позволить этой бизнес-империи расти, если их пути переплетутся ещё сильнее — как они будут распутывать это потом? Что будет, когда придётся насильно вырывать кого-то из этого союза, чтобы освободить место? Насколько мучительным и уродливым будет этот процесс?

Тань Юмин мог позволить себе не думать об этом. Но Шэнь Цзуннянь — нет.